

Евгения
КАЙДАЛОВА

Миром
правит любовь!

Татьяна,
Кольцевая

Евгения Кайдалова

Пятница, Кольцевая (сборник)

«Автор»

2009

Кайдалова Е. В.

Пятница, Кольцевая (сборник) / Е. В. Кайдалова — «Автор»,
2009

Пятница, Кольцевая. Мелькают поезда, мелькают лица. Остановиться нельзя – толпа подхватит и понесет тебя дальше – не успеешь даже оглянуться. Как это похоже на нашу жизнь – калейдоскоп лиц, событий, судеб. Как трудно в рутине обыденной жизни найти свою любовь – человека, с которым будешь счастлив. Как часто мы ищем не там и находим не тех... А ведь каждая ошибка может оказаться роковой! Героини Евгении Кайдаловой – современные женщины, такие, как мы с вами. Они понимают – чтобы не ошибиться в выборе, надо прежде всего остановиться. Отрешиться от суеты. Прислушаться к собственному сердцу. Оно не обманет...

© Кайдалова Е. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пятница, Кольцевая	5
Аниматор	12
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгения Кайдалова

Пятница, Кольцевая

Пятница, Кольцевая

Субботнее утро началось для меня, как обычно, в пятницу вечером. Мне повезло – в метро я плюхнулась на свободное место и тут же закрыла глаза. Теперь меня не волновало, стоят ли рядом несчастные старушки, которым положено уступать место и за это потерянное место ненавидеть и тянут ли руку за подаванием «сами не местные», которые хотя и мучаются в жестокой и кровожадной столице, но ни за что не хотят ее покидать. Даже если напротив сейчас окажется «благоухающий» на весь вагон бомж, я, наверное, тоже не почувствую никаких изменений в спертой и душной атмосфере: все каналы, соединяющие меня с действительностью, уже перекрыты.

Должно быть, я начала засыпать. В темнеющем сознании, словно кометы, проносились обрывки фраз, совершенно бессвязные, но четко обозначающие реалии моей работы, моей семьи и всей моей жизни вообще: «Сальдо дебитовое...», «Мама, кузов... будем грузить...», «Там сосиски, свежие еще...», «Федеральные войска открыли огонь...».

И тут я увидела Алину. Она стояла на невысокой скале под прекрасным, абсолютно синим небом, возвышаясь над прекрасным, абсолютно ласковым и теплым морем. У нее была медовая кожа, сахарные зубы и выгоревшие на солнце светлые волосы, напоминавшие кучерявую овечью шерсть...

Вагон дернуло – поезд встал в туннеле. Значит, мое путешествие домой удлинится минут на десять – пятнадцать. Я была этому только рада – сон стал обволакивать меня теплом и спокойствием, я вновь оставалась наедине с Алиной...

Алина начала приседать и отводить руки назад для прыжка. При этом она ни на мгновение не стала похожа на вызывающую смех статую ныряльщицы в столь далеком от нее Нескучном саду: там – застывший в нелепой позе металл, здесь – бросок быстрой змейки, ласточкино крыло, резанувшее воздух...

Алина прыгнула. Она вошла в воду бесшумно, не подняв брызг. Море как будто ждало ее и обняло, увлекая на глубину. Я почувствовала, как глаза у меня становятся теплыми от слез, – все было так умопомрачительно прекрасно: роскошный Юг с его вечным сиянием, цветением, благоуханием, девушка в объятиях моря и, главное, то ощущение радости и покоя, которое приходит лишь во сне.

Вагон снова немилосердно тряхнуло – поезд трогался. Одновременно с этим мой сон вытряхнуло из головы, и счастье осталось где-то там, по ту сторону.

Я не хотела подключаться к действительности, отнявшей у меня Алину. Я вытащила газету и уткнулась в нее.

До пересадки оставалось несколько станций. Пока мы их проезжали, я успела узнать, что на чьем-то дне рождения зарезали двух человек: одного – за плохую шутку, другого – за компанию. А еще кого-то замочил прямо на кладбище конкурент, там же и закопал – дешево и сердито, ни тебе наемных убийц, ни ритуальных услуг. Чья-то жена, по профессии врач, обиделась на мужа и обварила его кипятком, потом сама же делала пересадку кожи. А чей-то муж обиделся на жену и изнасиловал тещу. А чьи-то дети обиделись на родителей и сделали с ними такое, что про это даже не написали в газете...

Но может быть, все эти ужасы закономерны, и у мерзавки-жены действительно были причины обижаться на мужа, а у извергов-детей – на родителей? Ведь вечный конфликт Алины с мамой вырос не на пустом месте: мама никак не могла понять, как младшая дочь может быть

такой юной и радостной, и прыгать со скалы в солнечное море, когда в ее возрасте уже положено портить осанку, горбясь над учебниками, и трепать нервы на экзаменах, или терять зрение, пялясь в компьютер и не расправлять до конца легкие, прирастив свои локти к столу среди зарослей бесконечных офисных бумаг. Мама хотела Алине только добра и не хотела видеть ее счастливой. Она хотела видеть ее такой, как я.

Меня выдавило из вагона толпой и понесло к лестнице, ведущей на переход. Я знала, что сутулюсь, но на мне лежал груз пятидневной рабочей недели. Я знала, что у меня потухший взгляд, но мне вполне хватало его, чтобы разбирать цифры на экране. У меня была смятая прическа и неживые от бесконечных окрасок волосы, но ведь надо мной не сияло абсолютно прекрасное небо. Мои мышцы давно растянулись и обвисли без упражнений, но ведь подо мной не плескалось море и я не стояла на краю скалы.

Я поднялась на последнюю ступень, слегка задыхаясь, но отдышаться времени не было – сзади напирала толпа. По приезде в Москву мне казалось, что уж где-где, а в метро человек свободен выбирать себе лучшую дорогу из всего множества разноцветных линий, переходов на другие станции и эскалаторов. Но я уже десять лет езжу одним и тем же путем и никогда не сбиваюсь с ритма, идя в толпе, и даже если сейчас я попытаюсь что-либо изменить, это окажется неуместным.

Я двинулась вперед, не переводя дыхания. Алина никогда не приезжала ко мне в гости, хотя я все время звала ее, мечтая в числе прочего показать ей легендарное московское метро, куда водят на экскурсии даже иностранцев. Но видимо, моя сестра считала, что от мраморного леса с мозаичными сводами следует держаться подальше...

«Алине до тебя далеко!» – рефреном повторяла мама на протяжении всей моей юности. Я же мучилась от того, как мне далеко до Алины. В мечтах я всегда представляла нас сестрами-близнецами, но наши дни рождения решили разделить, и мой пришелся на ноябрь, а ее – на апрель чуть ли не десять лет спустя. Затем я сама все больше и больше отдалялась от нее: успехами в школе (на фоне ее вечных неурядиц), правильными друзьями и приличным замужеством, и наконец отъездом в столицу – город мечтаний и чаяний. Затем вмешались непреодолимые силы, и нас разделили границы между странами СНГ и цены на билеты. Раз в год, во время отпуска, я приезжаю домой, и каждый раз – с надеждой на то, что путь к моему прошлому мне еще не заказан.

«А ты возвращайся!» – как-то с ухмылкой предложила Алина, когда я чистила на кухне картошку и жаловалась маме на придирки начальства. Я обернулась, чтобы возразить, и, наверное, впервые осознала, что мы с сестрой не близнецы. Я была в старом халате, верно служившем еще прабабушке, его выцветшие карманы я нагроутила анальгином и ношпой, а руки у меня чернели от картофельной шелухи. Алина, только что вернувшаяся с тусовки, щетинилась серьгами, продетыми в бровь, ноздрю, пупок; за плечами у нее оттопыривался рюкзачок с текстами подгитарных песен, а каждый ноготь на руках был выкрашен в свой эксклюзивный цвет.

При слове «возвращайся» мама молча выставила Алину из кухни. Та усмехнулась и отправилась в свою комнату читать «Властелина колец» и плести из бисера фенечки, а я вернулась к картофельным очисткам. Это было закономерно, и я давно смирилась с несправедливостью закона: несмотря на то что годовой доход Алины равен нулю, а мой обеспечивает сносное существование, сестре принадлежат все сокровища мира, мне же принадлежит раковина на кухне, заваленная немытой посудой и нечищенной картошкой.

Наверное, я никогда не уйду со своей нынешней работы, разве что на пенсию. Однажды наш офис показали по телевизору: сначала две минуты что-то бормотал начальник, а потом камера прошла по всему помещению, выхватывая крупным планом самые сосредоточенные лица. В числе сосредоточенных была и я. К тому времени я проработала всего неделю, и мои отношения с компьютером напоминали дедовщину в армии (измывались, конечно же, надо

мной). Вечером того же дня мне позвонила рыдающая от счастья мама и пробулькала в залитую слезами трубку, что ее мечта сбылась: я нашла свое место в жизни.

Мама искренне считала, что ее старшая дочь вытянула счастливый билет во всех лотереях, в которые жизнь заставляет с собой играть. Провинциалка, а закрепилась в Москве (в центре уже не осталось воздуха, только газы от рычащих машин). Получила образование (закончила бухгалтерские курсы; во время занятий я рисовала деревья на полях тетради). Работает в солидной иностранной фирме (там принято всегда носить улыбку и стучать на соседа по столу – это называется «корпоративная этика»). Вышла замуж за порядочного (как странно, что в Москве он стал просто москвичом и перестал быть «человеком из Москвы»). Родила ребенка, а матери – внука (день за днем он ждет меня в детском саду и плачет, потому что у него отбирают игрушки, а воспитательнице все равно).

Но мне осталось немного потерпеть – скоро пенсия, всего каких-нибудь четверть века. Все-таки не «пожизненное заключение». А может быть, я попаду под амнистию – выйду раньше по инвалидности. С этой надеждой мне легко ходить на работу. На меня даже странно посматривают коллеги, когда я, глядя сквозь них, прямо в свое счастливое светлое будущее, принимаю первичные документы или с мечтательной улыбкой делаю проводки. Я уже заранее знаю, что выйду на пенсию ранней осенью, чтобы лежать по утрам в постели (а не вскакивая с больной невыспавшейся головой) смотреть на гроздь рябины, тяжелые и яркие, как бусины из красного камня. Потом я буду неспешно вставать и никого не вытаскивать с ревом из кровати, чтобы выпроводить в сад. Я буду завтракать, читая газету, и узнавать, возможно, бесполезные, но приятно заполняющие голову новости. Я буду спокойно и с удовольствием ходить по магазинам и покупать свежие овощи, а не нечто замороженное и, как труха, набивающее желудок. А вечерами я буду лежать в ванне и не мучиться от того, что это отнимает слишком много времени.

Переход на этой станции довольно длинный, вдоль него стоят те, кто не нашел себе места под солнцем и ушел под землю. Профессиональных попрошайек здесь почему-то нет, в основном все что-то продают: примитивные букетики, календари с умильными щенятами в корзинках, бардовские песни, исполняемые под гитару. Иногда я застаю тот священный миг, когда с «детей подземелья» собирает дань милиция. Слуги закона неумолимы в отношении цветов, щенят и бардов, но какая-то своеобразная этика заставляет их обходить одиноко стоящую на отшибе старушку. Она стоит на одном и том же месте столько, сколько я хожу по этому переходу, и всегда продает одну и ту же книгу – солидный том «Гражданская авиация». Если прочие неустроенные судьбы мне как-то примелькались, то, глядя на эту старушку, я всегда убеждаюсь, что иду верным путем.

Следуя этим путем, я и уехала из родного дома. Сейчас я очень часто возвращаюсь туда – в мыслях. Но не в тот дом, каким он стал сейчас – Богом забытая провинция, где свет и газ дают по часам, а воду – под хорошее настроение; старой экономики уже нет, новой – еще нет, а жизни у людей как не было, так и не будет. В мои воспоминания всегда влетаются солнечные лучи, и мысли отдыхают, покачиваясь на волнах. Родной дом в моей памяти совмещает все великолепие рая со всей прелестью грехопадения: из морской зелени вырастают лиловые вулканические скалы, сверху на них проливается золотой небесный свет, и вокруг парят белоснежные ангелы, преобразившиеся в чаек. А дома облеплены лозами дикого иссиня-черного винограда, который остается несобранным, и его сок начинает бродить прямо в гроздьях. Но я возвращаюсь не столько в эту первозданную красоту, сколько в свое детское ощущение беззаботной радости, оставшееся там же, где и мой дом.

Я, конечно, знаю о том, что в одну и ту же реку, да, пожалуй, и в море нельзя войти дважды, знаю, но никогда по-настоящему в это не верила. Мне казалось, что нужно только приблизиться к моей сестре Алине, стоящей на скале, подняться к ней и взять ее за руку. Она повернет ко мне смеющееся лицо, мы вместе спружиним ноги...

Я так часто совсем уже приближалась к Алине, но никак не могла подойти к ней. Я делала шаг, поднимаясь на скалу, но меня начинали безжалостно дергать за руку... «Мама, пойдем, ты же обещала, ну пойдем!..» – «Стой, не дергайся, я завязываю шапку. Варезки где?» – «Туго, развяжи! Ну развяжи!!!» – «Что ты скулишь? Не можешь пять минут постоять спокойно? Сам виноват!» – «А я никуда не пойду-у-у!»

Это была не я. Я должна была стоять на горячем камне, обласканная солнцем, и шалеть от вида прозрачных, открывшихся мне глубин. И я настойчиво стремилась туда, под солнце, на свое место, но мне резко перегораживали дорогу... «Где у вас таможенные декларации по этой поставке?» – «Все лежало в красной папке, но при том, что половина офиса без спроса роется в моих документах...» – «А я к вам при вашей зарплате еще и персонального сторожа приставить должен?!»

Это тоже была не я. Это была какая-то злая карикатура на меня, а я уже победно вставала на уступе скалы, с радостью чувствуя прикосновение горячего Алининого плеча, но в этот момент до другого моего плеча тоже с осторожностью дотрагивались... «Мы в этом месяце платили за звонки по междугороду?» – «Нет, в субботу утром там была такая очередь, что я решила...» – «Смотри, если нам отключат „восьмерку“, дозвониться домой не сможешь ты».

И в итоге я уходила со скалы – то в слезах, то в ярости, то с тихим чувством вины. Уходила и с отчаянья пинала каждый камень, встретившийся по дороге вниз.

Пешая часть перехода закончилась. У эскалатора, ведущего на станцию, стояла вульгарно-миловидная нищенка с не совсем еще испытанным лицом, подложившая под трикотажную юбку подушку и изображающая беременность. Пара выбившихся наружу перьев и небольшая вмятинка предательски указывали на происхождение большого живота, но люди машинально подавали ей деньги и уносились вниз на станцию, довольные собой. Я взглянула на перышки и тоже протянула деньги. Нищенка посмотрела на меня с ухмылкой. В ее взгляде была уверенная радость человека на своем месте.

...Я была абсолютно уверена в том, что, познакомившись с Алиной, мой будущий муж влюбится в нее. Я была в этом настолько убеждена, что даже не боялась их первой встречи, заранее зная – сестра приворожит его витающим вокруг нее духом бездумья и веселья. Но, к моему счастливому удивлению, муж остался к ней равнодушен. Он сказал, что с такими девушками, как Алина, хорошо проводить отпуск, а будни хорошо проводить с такими, как я. В итоге в Москву – к достойной семейной жизни, приличной работе и уходу за ребенком взята была я, а Алина осталась в неопределенности и на свободе. Поэтому первое, что я слышала, приезжая погостить домой, – это жалобы на сестру. Жалобы были классическими: не учится, не работает, встречается черт знает с кем и, главное, не собирается менять образ жизни. Я вполуха слушала мамины сетования – настолько я была рада, что хоть где-то во вселенной существует цветущая юная планета под названием «Алина» и что на этой планете есть жизнь (правда, не совсем разумная).

Я даже втайне полагала, что, может быть, и должна существовать масса серых людей, не видящих будущего и не радующихся настоящему, чтобы из них тянули соки такие яркие маки, как Алина, стремящиеся обнять лепестками солнце.

С самой Алиной я во время приездов домой разговаривала до странности мало. Может быть, она отвыкла от меня: смотрела куда-то в сторону, очень часто отвечала бессвязно, речь ее была какой-то замедленной, словно она подбирала слова. К тому же Алина стремилась как можно чаще и как можно надольше уходить из дома. Поэтому наше общение получалось до омерзения условным. «Ну как ты?» – «Да ничего».

В свой последний приезд я с тревогой заметила, что моя прекрасная мечта как-то поблекла. У Алины пропал ее чудесный свежий цвет лица, она сильно похудела. Мама озабоченно рассказывала, что сестра совсем ничего не ест («В манекенщицы готовится, что ли?»). Однако сама Алина казалась вполне веселой. Она действительно ела очень мало, хотя на кухне

стояли целые шеренги баночек и пакетиков с какими-то изысканными восточными приправами, а заваренный Алиной чай каждый раз благоухал на новый лад.

Вечерами из ее комнаты тянулся дымок раскуренных благовонных палочек, легко позванивали колокольчики и звучала тантрическая музыка. Мы с мамой сидели на кухне и пытались одолеть экзотически пряную еду. Я чувствовала себя непосвященной на пороге буддийского храма.

– Опять ушла в нирвану, – вздохнула мама, – а нам зарплату пятый месяц задерживают.

...Я бросилась к выходу и успела выйти из вагона. Двери со стуком захлопнулись прямо за моей спиной. Несколько секунд я замедленными движениями вешала на плечо сумку, а затем пришла в себя и потопала к эскалатору наверх – в привычное существование.

Подожел автобус, и люди начали карабкаться на подножку, как солдаты на стену осажденного города. Я протиснулась и заняла удачное местечко – на площадке, в самом хвосте, возле запыленного окна с видом на каменно-серую набережную и на Москву-реку цвета испитого чая. В воде уже начинали отражаться огни большого города.

Я стояла и думала о том, зачем все эти стиснувшие меня люди так отчаянно стремятся попасть домой. Может быть, они надеются на какие-то новые, доселе не изведанные ощущения? Что касается меня, то я ощущения пятничного вечера знала наизусть...

...Сначала я попаду в детский сад и, пока буду собирать ребенка, услышу о том, кого из товарищей по группе он укусил, кого обозвал, а кого сразил демонстрацией своих обнаженных половых органов. Слушая все это, я буду мечтать о том, чтобы он никогда в жизни никому не давал сдачи, не выражал открыто своего мнения, а половые органы держал исключительно при себе. Потом мы пойдем домой, и ребенок будет радостно задавать несметное количество вопросов, а я буду безрадостно выдавливать ответы, мечтая о том времени, когда он наконец-то перестанет так живо всем интересоваться.

Мы придем домой, и, увидев уже сидящего перед телевизором мужа, я наброшусь на него за то, что он не пошел забирать ребенка из сада, а использовал отпущенное на отдых время для отдыха. Во время разборки я буду мечтать о том, чтобы мне ни с кем и никогда не приходилось ругаться, и чтобы все в жизни делалось правильно и приносило удовлетворение.

Я встану к плите и буду мечтать о том часе, когда перестану к ней становиться. Пусть этот час наступит одновременно с моими похоронами, он все равно останется светлой мечтой. Мы сядем ужинать и, выключая звук во время рекламы, будем обсуждать планы на субботнее утро. Первым пунктом будет значиться генеральная уборка.

Затем, когда глаза начнут слипаться и я уже не смогу отличить своего президента от президента Папуа – Новой Гвинеи, настанет время заканчивать пятницу тяжелым сном. Мы будем лежать друг подле друга, как два сугроба, и я буду мечтать о том времени, когда (почти через год) в душе наступит оттепель, и мы окажемся в отпуске на юге, в моем родном доме, когда я вновь увижу Алину, летящую со скалы в волну, и поверю, что жизнь существует.

...Этой осенью Алина собиралась автостопом приехать в Москву. Зачем, не знаю. Можно объяснить это тем, что Алине просто нечего делать, а можно сравнить ее с перелетной птицей. Вряд ли Алина приедет, чтобы повидаться со мной. Моя сестра интуитивно чувствует, где жизнь кипит, а где останавливается, и избегает гиблых мест. Она привыкла кочевать от оазиса к оазису, а я уже который год тащусь через пустыню. Мы не встретимся с Алиной, пока она в забвении отдыхает у воды, а я превращаюсь в мумию под лампами дневного света...

Добравшись до детского сада, я узнала, что муж меня опередил. Сразу всплыло в памяти, что сегодня – день рождения свекрови, и ребенка, видимо, увели поздравлять бабушку. Я отправилась домой, чтобы сделать то же самое по телефону.

Я шла, не веря в то, что у меня сегодня свободный вечер, и, откровенно говоря, не представляла, как им распорядиться. Раньше я любила заниматься спортом – по утрам делала гимнастику, по вечерам бегала в парке. В общей сложности разминка занимала часа полтора, и

в это время я испытывала такую же легкость и душевный подъем, который, наверное, Алина испытывала каждое мгновение своей жизни. Но спорт я забросила несколько лет назад, и как-то странно начинать бегать сегодня вечером. Да и куда, собственно?

Поэтому скорее всего я просто лягу в теплую ванну. И даже не буду пытаться представить себе, что это море.

Я вышла из лифта, нашаривая в сумке ключ, и вдруг отшатнулась от своей двери и захлебнулась воздухом в попытке вскрикнуть. На пороге, прямо головой на коврик для вытирания ног, лежала Алина. Она, видимо, мерзла и пыталась согреться, потому что тело было скорченным, как у эмбриона, а ноги подтянуты к животу. Я плохо видела лицо – его прикрывали пряди волос, и я боялась их раздвигать. Когда санитары из подъехавшей «скорой» начали поднимать ее на носилки и Алинино тело распрямилось, я увидела, что джинсы с прорезями на коленях и свитерок натянуты прямо на купальник, а на ногах у нее разношенные босоножки, в которых сестра ходила на пляж.

Держа ее за руку по дороге в больницу и зная, что она не чувствует моей руки, я ощущала какую-то невероятную пустоту внутри, словно во мне была пробита брешь, и все, чем я должна была мучиться в этот момент – сострадание, страх, надежда, разом ухнуло туда, а душа втянула черное ничто. Да так и не выпустит его теперь, что бы мне ни сказали врачи.

Стискивая руками лицо в приемном покое, я не знала, как заставить себя смириться с тем, что все кончено – скала рухнула, море ушло под землю. А внутри головы, натянувшись до предела, мучительно дрожали какие-то канаты. Что мне делать, когда врачи объявят свой приговор и находиться в больнице станет уже ни к чему? Звонить маме? Как? И главное, зачем? Родного дома больше не существует – солнце погасло, и виноград засох на корню.

Наконец вышел врач с усталой бесстрастностью на лице, и я поднялась, словно в зале суда.

– Передозировка у вашей... Кто она вам? Сестра? Такого в крови намешано...

Я продолжала напряженно смотреть на него, не воспринимая то, что он говорит, и ожидая истинного диагноза: над Алиной надругался большой город, и действительность прошлась по ней асфальтовым катком.

– А вы что, ничего не знали? – удивился врач.

– Мне казалось... она была счастлива.

– Вот-вот.

– Она умрет? – спросила я с уверенностью, которая меня ужаснула.

– Сейчас – нет.

Мне было очень тяжело добираться от больницы домой. Наземному транспорту я в это время суток была не нужна, а такси я никогда себе не позволяла – это было слишком хорошо и удобно для меня. Ну и дорого, конечно. Я пошла пешком и через четверть часа спустилась в метро, едва не всхлипывая от радости: я была на Кольцевой линии, а значит, почти что дома.

Мысли об Алине уже не заставляли невидимые канаты дрожать и рваться внутри головы. Я обессилила, как тяжелораненый человек, и сестре пришлось отступить, иначе кровотечение в душе не прекратилось бы никогда. Откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза, я думала, что, может быть, не стоит размыкать подземный круг какими-то пересадками, переходами, выходами на поверхность. Там будет ветрено и темно, и автобус растрясет меня на асфальтовых ухабах так, что все мое отчаяние разом прорвет наскоро закрывший рану тромб, и я умру странной смертью, не пережив вечера пятницы. Но в метро, где тепло и уютно, и всегда светло, у меня есть надежда переждать этот вечер и когда-нибудь, в субботу утром, сойти с эскалатора, ведущего вверх, сбросить сумку с плеча, распрямиться, почувствовать свое тело и по горячему прикосновению к волосам осознать, что солнце стоит прямо надо мной и что оно в зените.

До сих пор мне казалось, что в вагоне я еду одна – слишком поздно, станции безлюдны. Но, открыв глаза, чтобы сдержать слезы, я заметила наискосок от себя какую-то старушку. Не знаю, зачем я решила к ней приглядеться: возможно, меня удивила или показалась знакомой огромная тяжелая книга у нее на коленях... Да, это был тот самый том «Гражданская авиация», так и оставшийся непроданным за столько лет на бойком месте под землей.

Мне кажется, я успела удивиться тому, как поздно эта бабушка расстается с надеждой пристроить книгу. Я даже задалась вопросом: почему она вновь едет к той станции, где день за днем томилась в переходе, вместо того чтобы ехать прочь? Но тут старушка, не сводя с меня глаз, начала приподниматься. Я знала, что произойдет дальше – она предложит свою злополучную книгу мне – и вынести этого я уже не могла. Будучи в больнице, я попросила успокоительное, и мне щедро или бездумно выдали почти полную упаковку реланиума. Я начала судорожно выдавливать таблетки из фольги на ладонь: одна, две, три... Хватит или еще? Я должна беспробудно спать, когда она приблизится ко мне вплотную. Пусть увидит, что тормозить меня бесполезно, и поймет наконец, что мечты, что мечты...

И тут я увидела Алину. Она вновь стала такой, какой была, и я поняла, что обозналась, приняв за нее безжизненное тело на дребезжащей каталке, катящееся в бесконечный больничный коридор. Алина по-прежнему улыбалась, но теперь ее глаза чуть покраснели от морской соли, а слипшиеся и потемневшие от воды волосы плотно облепили голову и плечи. Она выходила из моря мне навстречу и балансировала руками на случай, если под ногой окажется ненадежный камень.

Я успела услышать, как объявляют мою станцию, но уже не могла тронуться с места. Несколько последних секунд, двери захлопнулись, и поезд закачался, набирая ход. Но я не могла расстаться с Алиной сейчас, когда мы вот-вот должны были по-настоящему встретиться, и когда я, сдерживая дрожь в губах и пытаюсь улыбнуться в ответ на ее улыбку, наконец-то поняла, что Алина всегда будет видеть свое солнце. Даже сейчас, когда вокруг нас обеих стало так невыносимо темно.

Аниматор

Даже сейчас, смертельно тоскуя по безвременно ушедшему чувству, она не смогла бы с пафосом заявить, что это была любовь с первого взгляда. Нет, с первого взгляда произошло нечто прямо противоположное – она запретила себе в него влюбляться.

Невозможно объяснить, что порой делает человека совершенно заурядной внешности таким безумно привлекательным. Но уж точно не черты лица. Она не смогла бы даже внятно ответить на вопрос, как он выглядит: не существовало ничего, что сразу выделяло бы его из толпы. Рост? Средний. Телосложение? Среднее. Глаза? Нос? Губы? Волосы? Стандарт. Стандарт. И на фоне этой (что кривить душой!) неприметности – улыбка, равносильная восходу солнца.

Возможно, именно с тех пор, как ей однажды варварски испортили давно предвкушаемый отдых на юге, на который возлагались большие надежды, Лариса жила с ощущением того, что у нее украли солнце. А возможно, это случилось гораздо раньше. Однако она не смогла бы с уверенностью ответить, когда...

Глядя на своих родителей, Лариса ясно представляла себе, что такое Советский Союз, хотя помнить боязливое безветрие тех лет уже не могла. Она родилась в последние годы существования империи, незадолго до того, как Брежнев оставил государство спокойно догнивать без его участия. А в школу пошла уже при беспокойном Горбачеве. И выросла с сознанием того, что страну неустанно трясут катаклизмы, окружающий мир постоянно бурлит, перестраивается и никак не встанет на свое место.

Сама она, конечно, ни за что не осознала бы, что живет в опаснейшее время перемен, если бы об этом каждый раз за ужином с отчаянием не твердили родители. Скоро по Москве уже нельзя будет пройти из-за блошиных рынков... В магазинах пусто, как будто Мамай прошел... Вновь изобилие, да надолго ли? Ведь все испортилось безвозвратно: лечиться невозможно, отдыхать невозможно, а самое нереальное – быть уверенным в завтрашнем дне. Озверевшие толпы атакуют прилавки, купленные с рук товары не выдерживают никакой критики, государство бросило народ на произвол судьбы и занимается непонятно чем. Слава Богу, что сами мы пока что держимся на плаву.

Родители казались ей единственным островком устойчивости среди бушующих вокруг невзгод, а при том, что они часто и охотно вспоминали золотые докапиталистические времена, волнение страны вокруг островка казалось ей настоящим цунами. Родители работали технологами производства в одном и том же проектно-институте – с той поры, как их туда распределило государство. К счастью, эпоха катаклизмов пощадила их рабочие места – институт сумел выжить и приспособиться к нуждам новой эпохи. Приватизировавшие институт директора по полной программе эксплуатировали специалистов, которые как огня боялись оставить место своей эксплуатации и пуститься в самостоятельное плавание. На закате своей карьеры родители получали тысячу долларов на двоих, добросовестно закладывали производственное оборудование в чертежи клубов и ресторанов (где никогда не бывали сами) и свято верили в то, что донельзя удачно вписались в безумный виток истории. Все отпуска они проводили на даче, из развлечений позволяли себе кино (самые дешевые утренние сеансы) и основную проблему своей жизни видели в том, что заказчики, храня коммерческую тайну, не давали полной информации о предполагаемых объемах производства, а это сильно затрудняло работу проектировщиков.

Возможно, будь родители помоложе... Но Ларисе случилось быть поздним ребенком (ее старший брат закончил школу к тому моменту, как она туда пошла), и родители, не нашедшие новой дороги в волнующие штормовые дни, всю тосковали по той эпохе, когда партия не

только озаряла людям путь, но и давала за символические деньги путевки к морю. А что сейчас? Который год без южного солнца...

В школе, к которой Лариса была приписана по месту жительства и которая по чистой случайности оказалась специализированной английской, у девочки хорошо пошел язык. «Язык – это всегда кусок хлеба для девочки, – с уважением говорила мама. – Что переводчик, что учитель... Да вот есть ли еще в вузах бюджетные отделения?»

Таковые, к счастью, еще имелись, и Лариса, по счастливой прихоти судьбы – должно же в жизни быть место случаю! – поступила на одно из них, не занимаясь с репетиторами и не имея блага. На ее отделении готовили учителей английского языка.

Чем руководствуется юный житель ходящей ходуном от перемен страны при выборе вечной профессии, всегда представляет собой загадку истории. Но в процессе учебы Лариса ни разу не попыталась пересмотреть свой выбор, тем более что ей нравилась методика, и она с увлечением осваивала приемы вкладывания знаний в человеческие головы. Впрочем, дань времени она все же отдала: сразу после защиты диплома одна предприимчивая подруга пригласила ее к себе на фирму секретарем-референтом со знанием языка. Несколько раз Ларисе пришлось, преодолевая страх, переводить деловые переговоры, и это ей вроде бы даже понравилось, да и зарплата не могла не вызывать положительных эмоций, но атмосфера офиса, какой бы доброжелательной она ни была, неизменно казалась Ларисе чужой, временной. Через год она с облегчением устроилась работать по специальности в один из старых добрых советских вузов, который ныне именовался технической академией, но мало чем отличался от себя самого двадцатилетней давности. К тому моменту ей было двадцать три года. Она была не замужем.

Лариса считала, что к ее личной жизни очень хорошо подходит понятие «не сложилось». Действительно, не сложилось, хотя вроде бы все у нее было как положено: и на дискотеках ее иногда приглашали на танец, и на вечеринки она ходила – не то чтобы на самые шумные и отвязные, но все-таки портвейн, общага! Все это было, но ничего не осталось.

Конечно, в их вузе коллектив был почти стопроцентно девчачьим, но ведь она и в походы ходила! Во время одного из них Лариса, кстати, и познакомилась с понятием «интимная близость», но знакомство это не переросло в долгосрочную привязанность. Да в общем-то мальчик был ничего, но он не был ею даже увлечен – так, предложил, а она не отказалась. Почему бы и нет, ведь вроде как пора, а никто другой не предлагает... У Ларисы осталось не слишком приятное ощущение от чисто технических неудобств, связанных с лесом и палаткой, а мальчик отнесся к происшедшему не более серьезно, чем к совместным посиделкам под гитару у костра. Лариса решила, что так и положено. И все последующие интимные эпизоды в ее жизни носили на удивление похожий характер: случайное знакомство, случайный секс (даже если связь растягивалась на несколько месяцев, на Ларису она все равно производила впечатление случайной), отсутствие продолжения. Однако Лариса всегда утешала себя тем, что ей всего только двадцать, двадцать один, двадцать два – и все еще впереди.

Впереди была техническая академия. Глядя на студентов, можно было воспрянуть духом: одни молодые мальчишки! Первое время Ларису действительно лихорадило от перспектив, и не только в личной жизни. Заведующая английской кафедрой, женщина предприимчивая и энергичная, несмотря на возраст, организовала при академии так называемый Британский клуб – качественное и платное обучение языку по красочным и увлекательным оксфордским учебникам. Большинство преподавателей кафедры, за исключением самых древних ископаемых, имели символические четверть ставки на бюджетном отделении и полноценный, по преподавательским меркам, заработок на платном. Лариса сразу же примкнула (точнее, ее сразу же определили) к большевикам. И учитывая ее немалый опыт работы в бизнесе – все-таки целый год на фирме, – поручили вести бизнес-курс.

После первого семестра преподавания Лариса знала Business English назубок. Она тщательнейшим образом готовилась к урокам, и это давало неплохую иллюзию того, что пре-

подаватель владеет материалом. Правда, иногда бывало трудно отвечать на какой-нибудь практический вопрос начинавших подрабатывать студентов. Например, какое из трех слов, существующих в словаре для обозначения партии товара – batch, lot или consignment, – все же следует использовать в деле? На что Лариса, преодолев внутренний трепет, неизменно заявляла: «Используйте любое, в контексте вас поймут». Студенты почтительно кивали и проникались уважением к преподавательскому опыту.

Но со всеми своими «каверзными» вопросами и порой чересчур откровенным разглядыванием ее тела в строгом костюме студенты были самой светлой частью того общества, в котором Лариса теперь вращалась. Коллектив английской кафедры был на девяносто девять процентов женским, на заседаниях кафедры обсуждались вопросы правильного обращения с прокладками в туалете, и единственный мужчина в этом бабьем царстве, сморщенный, плохо одетый и почти бессловесный, производил даже не смешное, а гнетущее впечатление.

В кулуарах кафедры за чаем муссировались исключительно две темы: как мало платят за каторжный труд и какие все мужики сволочи! Лариса, не желавшая признаваться себе в первом и до сих пор несогласная со вторым, в дискуссиях практически не участвовала. К тому же подавляющее большинство кафедральных дам были гораздо старше ее самой, а меньшинство ее ровесниц было представлено замученными матерями-одиночками, с которыми у Ларисы пока что тоже не было общих тем для разговоров. Никаких методических семинаров, курсов повышения квалификации и других атрибутов научной деятельности, на которые надеялась любившая методику Лариса, на кафедре не существовало; даже элементарный обмен опытом между коллегами был почти сведен к нулю. Женщины, в число которых волею судеб попала Лариса, бегали по замкнутому кругу: чем больше часов нагрузки ты берешь, тем выше твои заработки, но меньше времени на самоподготовку. Мало кому из них плотный график (ведь у каждой были еще и частные уроки, без которых жить на зарплату становилось грустно) позволял хотя бы смотреть фильмы на языке и читать книги в оригинале, а о том, чтобы на свои трудовые гроши съездить в Англию или Штаты, попросту не шла речь.

При этом сами по себе ее нынешние коллеги были женщинами умными и интересными, в чем Лариса неизменно убеждалась, стоило ей побеседовать с кем-нибудь из них с глазу на глаз, когда в расписании совпадали окна. Но в целом атмосфера на кафедре напоминала начало ноября: даже в сухую и ясную погоду опавшие листья и голые деревья не внушают ни малейшего оптимизма.

И хотя периодически звучали гордые слова о том, что женщины-педагоги – самые сильные на свете, Ларисе от них было мало утешения. Большая часть ее коллег были в той или иной степени одиноки: или с мужем без ребенка, или (наиболее частый вариант) с ребенком без мужа, а случалось, и без того, и без другого. Так что Лариса была полностью лишена возможности найти себе пару на работе (а где еще прикажете знакомиться после окончания вуза?), а также сколько-нибудь интересного коллективного времяпрепровождения (не считая бабьих пересудов). Корпоративными вечеринками и выездами всей фирмой на природу жизнь ее обделила.

Она, конечно, могла бы организовать свой досуг сама... Могла бы, если бы не беличье колесо повременной оплаты и частных уроков. Вечерами ее хватало лишь на то, чтобы поболтать с кем-нибудь по телефону или посмотреть очередной фрагмент сериала «Скорая помощь». И хорошо еще, что, живя вместе с родителями, она не чувствовала всей неподъемной тяжести одиночества.

Для таких, как она, конечно, существовали ночные клубы, хобби и туризм. Но развлечения требовали совсем не тех денег, которые она зарабатывала, к тому же Лариса почти не умела танцевать и совсем не умела броско одеваться, а следовательно, была обречена на прозябание среди всеобщего отрыва. Хобби своим она считала цветоводство, но познакомиться с кем-либо на этой почве было еще более проблематично, чем на кафедре. По выходным она

ездила в гости к замужним подругам, бродила по книжным магазинам и каталась на велосипеде. А ее половинка все витала где-то в иных сферах и не спешила соединиться с ней.

Оставался туризм. Загранпоездки были несоизмеримы с ее финансами, группы в турпоходах состояли преимущественно из одиноких женщин, а те немногие мужчины, что там имелись, шли в поход не иначе как вслед за женами. На второй год ее преподавательской жизни знакомая подсказала ей такой неплохой вариант, как поездка в старый добрый, построенный еще при Советском Союзе пансионат на Азовском море. Оно, конечно, не такое популярное, как Черное, но все же море! По деньгам – вполне приемлемо.

Лариса разволновалась, представила себе, хотя знакомая ни словом об этом не обмолвилась, дискотеки на ночном берегу, курортную атмосферу, пляжный волейбол в веселой компании... Она бросилась покупать себе яркие летние тряпочки – благо, на рынке имелся недорогой товар из прошлогодней коллекции, от возбуждения промахнулась с размером купальника... К моменту появления в пансионате Лариса настолько вошла в роль настоящей курортницы, что совершила крайне неосмотрительный поступок. Точнее, поступок, который сочли бы естественным в любой другой стране мира, но только не в бывшей советской республике. Она позволила себе выразить неудовольствие качеством сервиса. Многократно слышав от подруг, как должно требовать уважения к своей персоне в Турции или Египте, Лариса применила свои знания на практике. Результат не заставил себя ждать: администрация выселила ее из пансионата, заявив, что не потерпит скандалисток. Оставшиеся дни она провела в более дорогом и еще менее комфортном месте, не раскрывая более рта. На фоне пережитого шока все прочие обманутые ожидания: отсутствие пляжных дискотек, волейбола в веселой компании и курортной атмосферы на Богом забытой песчаной косе казались уже незначительными.

Несмотря на явное бесчинство администрации пансионата, Лариса воспринимала все происшедшее как событие в общем-то закономерное. Не с ее деньгами и не с ее положением в обществе требовать от жизни чего-либо достойного. Ее удел, как всего российского образования, быть в вечном загоне. И скорее всего именно под воздействием пережитого, еще до конца от него не оправившись, она совершила второй неосмотрительный поступок, на сей раз еще более катастрофичный, чем первый.

До сих пор всякие личные отношения со студентами для Ларисы являлись табу. Нет, она не видела ничего зазорного в том, чтобы вечером дойти до метро в компании своей группы, смеясь шуткам и отвечая на вопросы, но этим ее неформальные отношения с учениками и ограничивались. Сразу же после своего появления в академии Лариса слышала от заведующей кафедрой мудрую фразу: «Запомните, деточка, учитель и врач не должны выглядеть молодо». Лариса вняла и всеми силами постаралась соответствовать. Это ей удавалось без труда: ее одежда всегда производила впечатление скромной, не имеющей отношения к моде, а выражение лица не вызывало желания заигрывать. И все же однажды случилось непредвиденное. Во время занятия с бюджетной группой, которое Лариса, как ни пыталась, никогда не могла провести интересно (уж слишком отсталым и занудным было утвержденное кафедрой пособие), она, повернувшись на какое-то время к доске, услышала за спиной хихиканье. А затем – достаточно громко произнесенную фразу:

– Ты смотри лучше в учебник, козел! А то все мысли – вокруг ширинки.

С ужасом, готовым перерасти в паралич, она обернулась. Группа была ей почти не знакома – шло самое начало семестра, но вычислить говорившего оказалось легко: к нему были повернуты головы всех остальных студентов, и у него было бесстыдно-вызывающее выражение лица. Лариса, никогда прежде не конфликтовавшая со студентами и не знающая даже, как себя вести при таких обстоятельствах, потребовала, чтобы оскорбитель приличий вышел вон. Тот с ухмылкой подчинился. На следующее занятие он не пришел, хотя Лариса и видела его в коридоре. Допустить, чтобы из-за личного конфликта пострадала успеваемость, она не имела права и посему велела передать студенту Трофимову, чтобы тот подошел к ней для разговора.

Он появился, когда она заканчивала урок делового английского с платной группой. И сел за последнюю парту с мокрой от дождя головой (платные студенты занимались в другом корпусе). Лицо у него, против ожиданий, было веселым, и Лариса осознала, что она уже не понимает, как вести разговор на столь серьезную тему. Впрочем, от нее ничего и не потребовалось: когда студенты разошлись, Трофимов подсел за парту напротив нее и без малейших признаков стеснения или раскаянья заявил:

– Да, здесь-то вы интересно занятия ведете!

Лариса растерялась окончательно.

– А в вашей группе – неинтересно?

– Не-а. Потому-то все и прячутся не туда.

Лариса в полном смятении начала говорить о том, что кафедра не может позволить себе дорогие импортные учебники на бесплатном отделении, но Трофимов ничтоже сумняшеся ее перебил:

– А можно мне ходить к вам на Business English?

Еще более смятенно Лариса забормотала, что это надо бы согласовать с администрацией, но Трофимов перебил опять:

– Да нечего тут согласовывать – платить-то я не могу. Может быть, вы меня такпустите?

Едва ли найдется преподаватель, у которого хватило бы духу отказать в подобной просьбе. Трофимов действительно сходил на несколько занятий, никак не проявляя себя в английском, зато периодически отпуская шуточки на русском – к счастью, не выходящие за рамки приличий. Чувство юмора у него было – группа неизменно смеялась, и даже Лариса не могла удержаться от улыбки. После занятий следовал совместный поход к метро, откуда всех друг за другом уносило в разные концы Москвы. А Трофимов провожал домой Ларису.

Что было дальше? Он попросил разрешения прийти к ней домой со своей видеокассетой на английском, где ему якобы были не понятны какие-то существенные места. На этом месте Лариса уже могла бы ему отказать, но почему-то не смогла этого сделать. Более того, она назначила для просмотра тот день, когда родители уезжали на дачу.

Кассета, которую принес Трофимов, как и следовало ожидать, оказалась эротической. Не то чтобы порнография, но все же... Когда он принялся раздевать Ларису, она почему-то оцепенела, не сопротивляясь, но и не помогая ему ни единым движением.

Бесстыдство и напористость были присущи Трофимову во всем: Ларисе было стыдно признаться самой себе, какое она получила удовольствие. Теперь один из ее выходных дней, как правило, проходил в комнате общежития, принадлежавшего другому вузу, – ключи от которой Трофимову давал приятель. Помимо этой комнаты, они практически нигде не бывали вместе, не считая учебных часов, но Лариса удовлетворялась объяснением, который Трофимов дал ей однажды в ответ на просьбу сходить вместе на концерт:

– Ты что! Нас засекут – Москва маленький город.

Умом она согласилась с ним и постаралась внушить сердцу то же самое. А однажды, повернувшись во время занятия с трофимовской группой лицом к доске, услышала за спиной обрывок приглушенного разговора:

– Вот и в койке с ней так же – от скуки сдохнуть можно.

В тот день Лариса действительно поверила в то, что педагоги – самые сильные женщины на свете, поскольку сумела, не подав виду, довести занятие до конца. К счастью, семестр уже заканчивался, и ей оставалось встретиться с этой группой еще буквально пару раз. Вряд ли кому-либо другому, кроме женщины-педагога, удалось бы с таким бесстрастным лицом заходить в камеру пыток и полтора часа подряд не подавать виду, что ты испытываешь боль. Последний раз она видела Трофимова на экзамене.

– Четверка вас удовлетворит? – недрогнувшим голосом спросила она, выслушав корявый перевод текста.

– Что так? Разве я на пятерку не натянул? – ухмыльнулся он.

– Мне не нравится ваше произношение, – сказала Лариса, напоследок поднимая на него глаза, – слишком топорное.

Трофимов усмехнулся и забрал у нее зачетку с четверкой. Больше он не звонил.

Хотелось бы сказать, что, вволю нарыдавшись в тот день, она приняла решение... Но нет, никакого решения она не приняла. Какое решение можно принять, если кажется, что жизнь кончилась, так и не начавшись? Решение жить противоречит обстоятельствам, а решение не жить, в сущности, ничего не меняет.

Выплакавшись, она залезла в горячую ванну и, сидя в высокой пене с якобы успокоительным действием, услышала, как открывают дверь родители. Они были явно чем-то возбуждены, потому что посмеивались, шушукались и периодически упоминали ее имя. Первое, о чем Лариса подумала, что им каким-то образом стало известно о ее позоре, поэтому из ванны она выбиралась с сильнейшим внутренним ознобом. Однако у родителей был слишком веселый вид, для того чтобы обсуждать падение дочери. А за ужином мать торжественно произнесла:

– Доченька, у тебя скоро день рождения...

Лариса без особого восторга вспомнила, что это действительно так.

– И мы подумали, что будет лучше всего, если ты встретишь его в море, – с улыбкой закончил отец.

Далее Ларисе пришлось поверить в то, что чудеса случаются. В честь ее двадцатипятилетия родители купили ей девятидневный тур на круизном лайнере по Средиземному морю. Вероятно, они долго откладывали, чтобы сделать дочери-неудачнице такой подарок... Разрыдаться вновь после только что пролитых слез оказалось легче легкого.

Лишь во время двухчасового перелета в Сочи, где она должна была подняться на борт лайнера, Лариса задалась вопросом: почему, собственно, в момент получения путевки она мысленно назвала себя неудачницей? Неужели те из ее подруг, кто формально не одиноки, но еле тянут лямку семейной жизни от скандала до скандала, преуспели больше, чем она? А многие ли из ее знакомых могут похвастаться тем, что занимаются любимым делом, которому учились и которым интересовались всю жизнь? Конечно, ей до смешного мало за это платят, но это лишь повод гордиться тем, что на таких, как она, держится все российское образование.

Однако, глядя на то, как одеты и кого держат под руку женщины на лайнере «Олимп», Лариса с болью констатировала, что гордиться ей нечем. Она казалась себе Золушкой, заявившейся на бал без кавалера и в обносках, хотя, по ее представлениям, она была одета более чем прилично. Огромный восьмипалубник просто изобиловал всем, что только можно придумать для увеселения гостей: бесчисленные магазины duty free, кафе, казино, салоны красоты – и от этого Лариса чувствовала себя в высшей степени неуютно. Из всего набора развлечений она могла позволить себе лишь посмотреть на море да сходить в бассейн, ну и, конечно, посетить заранее оплаченные экскурсии в тех городах, где они будут делать остановку.

От полного затворничества ее спасала лишь соседка по каюте. С ней Ларисе по-настоящему повезло. Это была донельзя разговорчивая и смешливая девушка примерно ее лет, спутника которой удержали в Москве дела. Но в отличие от Ларисы она не испытывала комплексов от своего одиночества, если можно назвать временное отсутствие постоянного партнера. С легкостью водомерки на воде она перемещалась по всему лайнеру, заходя куда только можно, без конца что-то выбирая и примеряя, иногда – покупая и пересыпая все свои действия веселыми комментариями, смехом и рассказами о себе. И повсюду она таскала за собой Ларису, а та, более чем довольная таким положением дел, послушно ходила хвостиком за своей новой знакомой.

– Ты какими тенями пользуешься? – спрашивала ее Вика, заходя в салон Christian Dior. – Я Диорку вообще-то люблю, они стойкие, но гамма уж больно классическая. Для работы подходит, а так... Хочется, знаешь, вечером чего-нибудь повеселее!

Лариса поддакивала, боясь выразить свое истинное мнение по данному вопросу: пятьдесят евро за коробочку теней пяти оттенков – это для жены олигарха! Ну в крайнем случае – для жены депутата.

Вика то выходила из примерочной, преображенная новым туалетом, который потом с улыбкой отдавала продавщице, не собираясь покупать; то пшикала на запястье туалетной водой и, прикрыв глаза, втягивала аромат; то выпивала чашечку капучино, кокетничая с барменом, а Лариса была заранее готова участвовать во всех ее забавах, понимая, что своих у нее не будет. Разговорились, и выяснилось, что Вика окончила тот же самый вуз, что и Лариса, только годом позже. Это совпадение, а также несовпадение их нынешнего образа жизни буквально потрясло Ларису. Вика работала менеджером по продажам в какой-то компьютерной фирме, а ночи с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье неизменно проводила на танцполе в прокуренной, но полной огня атмосфере клубов, где однажды и встретила своего теперешнего партнера, веселого, щедрого и обеспеченного, хотя и с массой прибабмахов.

– Мы уже год вместе снимаем квартиру, – беспечно рассказывала она. – Пока что меня устраивает, а дальше видно будет!

Далее звучал смех, а Лариса вся внутренне замирала, пораженная тем, как легко можно, оказывается, скользить по жизни.

– Я надеюсь, тут будет где поплясать, – задорно добавляла Вика, – а то я временно холо-стятка!

Лариса выдавливала из себя улыбку.

Дискобар на лайнере, разумеется, имелся, и часам к одиннадцати вечера свежее испеченные подружки отправились туда. Вика была полна ожиданий, а Лариса – комплексов, прикидывая, не слишком ли разорительно будет выпить в баре хотя бы бокал коктейля.

Цена оказалась ужасающей, но коктейль она все же взяла. И присела с ним за столик, оглушенная той буйной заводной атмосферой, которая царила вокруг. А Вика, между делом опрокинув рюмочку «Бейлиз», тут же вышла на танцпол. При взгляде на нее хотелось всплеснуть руками от восхищения: то плавные извивы, то отточенное мелькание рук и ног под быстрые ритмы. Разгоряченная, она махала подружке рукой, предлагая присоединиться, но Лариса поджидала, пока на танцполе не станет многочисленнее, чтобы скрыть толпой свои неуверенные движения. Вокруг Вики быстро образовалось кольцо танцующих, и Лариса уже приподнялась с места, готовая стать частью этого кольца, когда ситуация в корне изменилась. После окончания очередной композиции музыка не возобновилась, а освещение стало ярче, и на сцене (если только можно было так назвать возвышение для диджея над танцполом) появился молодой человек. Он поднял руки перед собой и развел их в стороны, призывая к тишине. И улыбнулся.

Не отдавая себе в том отчета, Лариса поднялась на ноги – ей показалось, что взошло солнце.

– Добрый вечер всем гостям нашего лайнера! – объявил молодой человек, не переставая улыбаться. – Я рад, что вы нашли время и силы потанцевать, и я здесь для того, чтобы всячески помогать вам в этом серьезном деле. Меня зовут Виталий и сегодня я буду вашим учителем танцев!

На танцпол мгновенно высыпали все, кто находился в этот момент в баре. Пользуясь тем, что Вика оказалась в самом первом от Виталия ряду, Лариса в считанные секунды протолкалась к ней. Не отличаясь напористостью, тут она буквально вбуравилась в толпу и вскоре, переводя дух и поправляя растрепанные волосы, оказалась прямо напротив Виталия. Тот заметил ее перемещение в толпе, вновь улыбнулся, и Ларисе показалось, что солнце взошло для нее одной.

Невозможно объяснить, что порой делает человека совершенно стандартной внешности таким безумно привлекательным. Но сейчас Лариса и не пыталась проверить алгеброй гармонию, она лишь упивалась тем, что наконец-то обрела возможность погреться в солнечных лучах.

– Для начала я хочу спросить всех присутствующих дам: чем танец отличается от фитнеса? Никто не знает? (Смех, перешептывания.) Ладно, скажу сам: фитнес – это упражнения, а танец – это эмоции. И сегодня мы будем не упражняться, а выражать свои эмоции. Для начала вспомним, что все мы сейчас плывем по волнам, нам легко и радостно, и поэтому нам самим хочется стать волной!

Движение вбок головы, плеча, корпуса, бедер, и, всем телом сделав извив, Виталий ни на шаг не переместился в пространстве, словно его тело действительно превратилось на этот миг в поверхность океана.

– А почему за мной никто не повторяет? – спросил он с удивленной улыбкой. – Знаю, трудно. Но сейчас у вас все получится. Представьте себе, что вы только что сняли с головы шляпу, – он поднял руку и, вызывая всеобщий смех, принял вид английского денди, который держит на отлете котелок, – и теперь вам нужно поднырнуть под нее так, чтобы она оказалась у вас на голове. Коля, давай музыку! Три-четыре – поехали!

Он хлопнул в ладоши, и вновь его тело изящно вильнуло в сторону. А вслед за ним, как с удивлением обнаружила Лариса, волна прошла и по ее собственному телу, от которого она совершенно не ожидала подобной пластичности. Насколько она могла судить, это движение так или иначе получилось и у всех остальных. Никто не испытывал неловкости, потому что, демонстрируя волну, Виталий стоял ко всем спиной.

– А сейчас я перестану быть невежливым, – сказал он, поворачиваясь к толпе лицом и озаряя всех улыбкой, – и мы с вами поволнуемся вместе. Три-четыре!

По толпе прошло несинхронное волнение.

– Отлично! – констатировал Виталий. – Еще немного – и из ваших волн начнут выпрыгивать дельфины. А теперь в другую сторону. Море волнуется раз!

Лариса чувствовала, что превращается в волну удивительно легко, словно она никогда не была неуклюжей в танцах и не преуспевшей в жизни женщиной, а всегда лишь веселой, игривой и победно взмывающей ввысь волной, которая сверкает на солнце белым золотом и мчится себе по океану, не зная горя и забот. Она изгибалась вслед за Виталием то в одну, то в другую сторону, все больше раскрепощаясь и чувствуя себя бесконечно свободной от тяготевших над ней бедности и личной неустроенности.

– Теперь мы попробуем сделать волну вперед, – слышала она долгожданный, как маяк в океане, голос Виталия. – Это совсем нетрудно: вы как будто пролезаете под низкой перекладиной. А сейчас – волну назад: представьте себе, что перекладина у вас за спиной.

Его умению владеть своим телом можно было только позавидовать, но в отличие от многих учителей (этим порой грешила и сама Лариса) Виталий умел не демонстрировать свое превосходство над учениками. Находиться рядом с ним было так же спокойно и радостно, как и нежиться под солнечными лучами.

– И вот нам осталось только продемонстрировать свои новые навыки и получить приз за лучшую волну. Но перед этим я настоятельно рекомендую всем принять по рюмочке текилы!

Не успела Лариса ужаснуться очередным расходом, как перед танцующими появился официант с подносом. Предложенные им рюмки расхватили мгновенно, и в ответ поднос был картинно засыпан купюрами и монетами. Внося свою лепту, Лариса, к своему удивлению, не испытала ничего, кроме воодушевления и твердой решимости участвовать в конкурсе.

– Итак, на подиум приглашаются волны! – крикнул Виталий, хлопнув в ладоши. Лариса заметила, что он и сам успел приложиться к текиле, однако бесплатно. Видимо, за счет заведения.

Конкурсантов набралось человек пятнадцать, среди них было даже несколько мужчин. У Виталия откуда-то взялась забавная «аэродромная» кепка, которую он держал чуть ниже уровня головы каждого участника и под которую следовало подныривать сбоку, спереди и сзади. Если кепка хоть в одной из попыток в итоге оказывалась на голове у участника состязаний, это неизменно вызывало аплодисменты, а уж если конкурсному удавалось изобразить при этом ловкую волну, то восторг зрителей был равносителен радости футбольных фанатов от забитого гола.

Когда подошла очередь Ларисы и Виталий приветливо улыбунулся ей, предлагая попробовать свои силы, она словно забылась и действовала почти неосознанно. Так случается, когда тебя иной раз разморит на солнце, и ты вроде бы еще не во сне, но уже не отдаешь себе отчета в том, какое положение приняли твои руки, ноги, голова; движения становятся ленивыми и такими грациозными...

Лариса услышала аплодисменты – кепка была у нее на голове, однако она не проснулась, вновь зачарованная улыбкой Виталия, и легко изогнулась в другую сторону. А затем – вперед и назад. И неожиданно осознала, что, судя по шуму и хлопкам в ладоши, зрители в восторге от ее успехов.

– Я думаю, все согласятся с тем, – услышала она вслед за этим голос Виталия, – что последняя из участниц нашего конкурса продемонстрировала самый высокий класс. За это она награждается бесплатным призовым коктейлем по своему выбору. Какой у вас любимый коктейль? – обратился он к Ларисе.

– «Бейлиз», – прошептала она, вспомнив, что пила незадолго до этого ее подруга.

– Какой-нибудь коктейль на основе «Бейлиз»! – громко обратился Виталий к бармену, просяив Ларисе улыбкой.

Лариса должна была осушить свой бокал, стоя на почетном месте бок о бок со своим учителем, под одобрителные возгласы зрителей. Непривычная к такому количеству спиртного за один вечер, она чувствовала, что голова у нее буквально идет кругом.

– А сейчас, – воскликнул Виталий, когда коктейль был выпит до капли и чуть живая от волнения Лариса вновь смешалась с толпой зрителей, – танцуют все! Делай со мной, делай, как я, делай лучше меня!

Под зазвучавшую вслед за этим быструю музыку Виталий вновь повернулся спиной к залу, чтобы танцующим было легче повторять его движения. В унисон с ним танцевалось удивительно легко, но Виталий часто менял движения, и мало что из них успевало запомниться. К тому моменту, как он крикнул «А теперь пробуем свои силы самостоятельно!», у Ларисы успело сложиться впечатление того, что этот парень способен импровизировать под музыку бесконечно с неутомимой изобретательностью.

Предложив всем самостоятельно попробовать свои силы, Виталий отошел к барной стойке. Он вновь чего-то выпил, переброеился парой слов с барменом и незаметно исчез из зала. И хотя танцы были в самом разгаре, Ларису пронзило острое чувство, что этот вечер для нее закончился.

На следующий день, безуспешно разыскивая Виталия взглядом на палубе, Лариса пыталась восстановить в памяти его лицо, но память либо выхватывала какие-то несущественные детали – стильную белую майку в обтяжку, расписную бандану на голове, узел которой прихватывал одновременно и небольшой хвостик темных волос, либо рисовала его солнечную улыбку. И с затаенным смехом Лариса думала о том, что появление Виталия вчера вечером было сродни появлению Чеширского кота: существо исчезло, а улыбка осталась.

– Прикольный у них аниматор! – вдруг со смехом сказала сидевшая рядом с ней в шезлонге Вика.

– Кто? – не поняла Лариса.

– Аниматор. Ну, тот парень, который вчера устраивал танцы. Развлекатель, говоря по-русски.

«Развлекатель...» Нет, она не могла воспринимать Виталия в таком ключе. Для нее он был человеком, вернувшим ей солнце, а возможно, и саму жизнь, которая, как известно, немыслима без солнечного света.

В тот день им предстояла стоянка в Стамбуле и, разумеется, экскурсия. Лариса была зачарована причудливыми внутренними двориками и затейливыми беседками султанского дворца Топкапы, где в самом сердце одной из шумных европейских столиц на тебя внезапно снисходили полный покой и умиротворение. И наступало желание всю жизнь провести здесь, в сладком плену, в стенах гарема, прислушиваясь к журчанию фонтанов, нежась на коврах и разомлев от отсутствия мыслей и дел, ожидая, когда на тебя упадет светлый взгляд твоего повелителя.

По контрасту с дворцом сумрачная громада Айя-Софии, где на темном камне сверкали, словно молнии, золотые арабские письмена, произвела на нее волнующее и тягостное впечатление. Под этими огромными сводами чувствуешь себя неспособной достичь подобной высоты, а сохранившиеся то здесь, то там проблески золотой мозаики лишь нагоняют тоску по животворному сиянию солнца. Однако все впечатляющее и радостное, что принес ей этот день, происходило словно бы на фоне Виталия и в ожидании встречи с ним этим вечером, когда лайнер отойдет от причала.

Аниматор оправдал ее ожидания. Он появился в диско-баре примерно в то же время, что и вчера, и был встречен взрывом энтузиазма со стороны девушек. Надеясь на то, что выражение ее глаз не так заметно в сверкающем полумраке, Лариса жадно всматривалась в лицо Виталия. И не могла выделить в нем ни одной запоминающейся черты. Вроде бы типичная русская внешность... Хотя, услышав из уст этого парня английскую речь с американским акцентом, она бы тоже не удивилась. Ни нос, ни рот, ни брови, ни овал лица не отличались от тех, что принято называть средними, разве что глаза сияли совсем не так, как у среднестатистического человека. Ларисе показалось, что они светлые, что должно было быть особенно красиво в сочетании с темными волосами. Однако Виталий, как и вчера, предстал перед публикой в пестрой бандане.

После взаимных приветствий он обратился к присутствующим:

– Те, кто танцевал вместе с нами вчера, наверняка скажут мне, чем танец отличается от фитнеса.

– Эмоциями! – крикнула одна из девушек. Судя по голосу, они ее просто переполняли.

– Правильно! – светло улыбнулся Виталий в ее сторону. – А вот кто мне скажет, чем танцор отличается от нормального человека? Этого мы еще не проходили, – ко всеобщему смеху добавил он.

Ответа ни у кого не нашлось.

– Ну, во-первых, у танцоров вместо мозга – мозжечок, чтобы удерживать равновесие (смех, аплодисменты), а во-вторых, считать они умеют только до восьми.

– А почему до восьми? – недоуменно обратилась к Вике Лариса.

– Любой танцевальный ритм раскладывается на восемь тактов, – со знанием дела объяснила та.

Собственное невежество в музыкальных вопросах подняло Виталия в глазах Ларисы на еще большую высоту. Она словно вновь очутилась под сводами Айя-Софии с поднятой головой.

– Сегодня на экскурсии вам пришлось много ходить по городу, – продолжал Виталий. – И чтобы в следующий раз вам было интереснее это делать, сейчас мы займемся шагами. Все желающие погулять выстраиваются за мной. Шире шаг!

Ну кто бы мог подумать, что элементарное ритмичное переставление ног с покачиванием бедер может вызвать у человека такие затруднения? Шаг в сторону правой – кач бедрами, шаг вперед – кач бедрами, шаг в сторону – кач бедрами, шаг назад. Снова в сторону – и передача

эстафеты левой. Или два шага с покачиванием корпусом на месте и два быстрых шажка то вправо, то влево. А то и вовсе: одной ногой совершить два быстрых полукруга – вперед, назад, вперед, и, переступив на месте, повторить все то же самое другой ногой. Поначалу Ларисе с отчаянием казалось, что ей никогда не освоить такой способ перемещения в пространстве, но Виталий каждый раз озорно и тепло подбадривал своих учеников и наконец произнес самую главную за этот вечер фразу...

– Постарайтесь не думать, – посоветовал он. – Ваши мышцы уже запомнили движения, так что давайте будем просто импровизировать под музыку. Даже если у вас нога встанет куда-нибудь не туда, не обращайтесь внимания. Главное, чтобы вам было радостно от собственных движений. Итак, договариваемся: вы отключаете голову и оставляете работать только мозжечок.

Какое счастье, что он дал ей именно этот совет! Под неспешный ритм, порой напоминавший колдовское заклинание, ноги, бедра, плечи и корпус прекрасно справлялись со своей задачей, без всякого участия разума. Ее сознание находилось в глубокой спячке, в то время как сама она наслаждалась легкостью и четкостью своих движений. И сиянием той улыбки, от которой, опережая руки, ноги и корпус, пускалась в пляс сама душа.

Этой ночью она почему-то вспоминала наставление, данное ей когда-то заведующей кафедрой: «Учитель не должен выглядеть молодо». Похоже, она оказалась слишком послушной ученицей и, привыкнув не выглядеть молодо, отвыкла быть молодой. А вот завет, данный ей сегодня Виталием, звучит совсем наоборот «Отключай голову!» и означает ни много ни мало «вернись в молодость». В самое бесшабашное, как принято считать, время жизни, которого у нее, в сущности, никогда и не было. А что же тогда было? Рассудительная подготовка к будущей зрелости? Или безвольное ожидание богатых даров от судьбы? Как это ни парадоксально, но Ларисе казалось, что верно и то, и другое.

Лайнер между тем шел по направлению к Афинам, куда они должны были прибыть через сутки. Рассеянно сопровождая весь следующий день Вику в ее походах по магазинам и салонам красоты, Лариса постоянно думала о том, чем может быть занят сейчас Виталий. Забавно, но она ни разу не видела его при свете дня и в тишине, словно аниматор был порождением музыки и неоновом свете. Так чем же, интересно, он может сейчас заниматься? Коротает время в шезлонге за пивом и болтовней? Плавает в бассейне на верхней палубе, радуя чей-нибудь взгляд своей замечательной стройностью и гибкостью? Или просто спит у себя в каюте, набираясь сил перед вечерним выступлением? Где бы он ни был, ей мучительно хотелось быть сейчас рядом с ним: вести душевные беседы, бок о бок плескаться в воде или же, присев на край кровати подле спящего, трепетно проводить рукой по его волосам.

Этой ночью Виталий устроил настоящую феерию. Началось все с того, что в диско-баре, сменяя хаус и хип-хоп, вдруг зазвучала арабская музыка, и на танцполе появилась танцовщица в восточном наряде. Ажурное покрывало на голове, вуаль, оставляющая открытыми лишь смешливо блестящие глаза, и самая экзотическая деталь костюма – широкий пояс, состоящий из золотых кругляшек, которые звенели и подпрыгивали при характерном подергивании бедер.

Танцовщица изумительно красиво изгибалась при каждом движении, играя своим телом, словно опытная гимнастка – лентой, так что в первые минуты танца все даже не сразу заметили завитки темных волос на животе у восточной красавицы и поролон в ее расшитом золотом бюстгальтере. Закончившего танец Виталия ждал настоящий шквал аплодисментов, и он забавно кокетничал в ответ, изображая робкую девушку, смущенную таким обилием комплиментов. Убежав на некоторое время из зала, он вернулся в своем обычном наряде, неся арабский костюм в руках.

– В этом году у нашей круизной компании есть уникальное предложение! – сообщил он, озаряя всех присутствующих своей улыбкой. – Те, кто за время рейса научится исполнять танец живота, за наш счет отправятся на чемпионат среди любителей в Арабские Эмираты.

– И мужчины тоже? – задорно выкрикнула какая-то девушка.

– Ну конечно! – как нечто само собой разумеющееся подтвердил Виталий. – Вообще среди мужчин танец живота становится все более и более популярным. Нефтяные шейхи как соберутся у кого-нибудь из товарищей на вилле попить пивка, так давай плясать. А на звуки музыки к ним прибегают верблюды и тоже, знаете, так покачивают горбом.

При этом Виталий настолько к месту изобразил движение корпусом, когда грудная клетка выгибается то вперед, то назад, что вызвал всеобщее ликование.

– Поэтому сейчас давайте представим себе, что вы – нефтяные шейхи, или что вы в гареме у нефтяных шейхов – кому как больше нравится, и попробуем одну ночь прожить так же, как они!

Лариса не успела уверить себя в том, что ни та ни другая роль ей не светит – ее захватил танец. Соблазнительно подергивать бедром так, чтобы на поясе плясали золотые монеты, оказалось удивительно просто, и удивительным образом это движение оказалось связано с ее повседневной жизнью.

– Представьте себе, что вы стоите в переполненном автобусе и держитесь за перекладину, – объяснял Виталий, подняв руки над головой и сложив их в виде кувшина. – Я понимаю, что вам очень трудно это себе представить (солнечная улыбка и ответный смех, которого Лариса не поняла – для нее переполненные автобусы были повседневной реальностью), но все же постарайтесь, вспомните студенческие годы! Так вот, вы стоите в автобусе и вдруг замечаете, что рядом симпатичный молодой человек. Как же привлечь его внимание, чтобы никто этого не заметил, и прежде всего он сам? Надо аккуратно поставить правую ногу на мысок впереди левой, согнуть в колене – ставьте, не бойтесь, в тесноте этого никто не заметит! – и резко выпрямить ногу, так, чтобы бедром задеть соседа. Но предупреждаю: все должно выглядеть натурально! Автобус дернулся, нога дернулась, бедро тоже, а вы тут ни при чем – корпус на месте!

«Этого не может быть, но я танцую, – расслабленно и счастливо думала Лариса, изящно вскидывая бедро и вращаясь вокруг своей оси (Виталий велел задеть как можно больше молодых людей вокруг), – а не топчусь на месте, как раньше». Ее наполняла небывалая уверенность в себе, своей привлекательности, своем счастливом будущем. Раз для нее наконец-то просияло солнце и на лицо лег нежный золотистый загар, значит, в жизни начался совсем другой сезон, который не имеет права вдруг, по собственному усмотрению, смениться декабрьской поземкой, правда?

Лариса и сама не знала, к кому она обращается с этим вопросом: к себе, к судьбе или Виталию, но ей казалось, что она уже получила на него утвердительный ответ. Время от времени аниматор кричал своим ученикам что-либо ободряющее и всем желающим предлагал примерить золотой пояс, чтобы при движении бедром на нем звенело золото, и иллюзия Востока была как можно более правдоподобной.

Золотой блеск наряда, сияние его улыбки... Лариса вбирала ее в себя с таким же наслаждением, с каким впитывала бы ласку солнечных лучей. Сейчас, по прошествии трех ночей, проведенных на солнцепеке, она была признательна Виталию, как ни одному человеку в своей жизни. Даже родители, подарившие ей этот незабываемый круиз, отступили на второй план: солнце не знало конкурентов.

В эту ночь она спала в обнимку со своим счастьем. В голове кружились строки из «Евгения Онегина»: «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой». И хотя Лариса, мысленно улыбаясь, от них отмахивалась, крылатая пушкинская фраза не прекращала свой полет.

Наутро их ожидало знакомство с Афинами. Волнение от встречи с легендарным городом временно затмило для Ларисы другие чувства, и светлый образ Виталия медленно растворялся в море новых ощущений. Она заряжала пленку в фотоаппарат, когда Вика, прихорашиваясь перед зеркалом, со смешком заметила:

– Сегодня у нас свободный вечер в городе... Наверное, девушки пойдут к менеджеру с просьбой сократить стоянку.

– Почему? – удивленно вскинулась Лариса.

– Аниматор в такие вечера не работает. Я уже узнавала в баре.

По дороге из порта Пирей к Акрополю Лариса прокручивала в голове слова подруги. Все это время она не отдавала себе отчета в том, что Виталий светит и всем остальным девушкам с той же притягательной силой. А сейчас, услышав эту истину открытым текстом, не захотела ее осознавать. Она воскресила перед собой его искрящиеся весельем глаза, его улыбку и, пригравшись в этих воспоминаниях, успокоилась.

Акрополь поразил ее своим поистине божественным величием. Белый храм на скале, высившейся прямо посреди города, внушал священный трепет даже современному, привыкшему к масштабам человеку. Что уж говорить о древних эллинах, для которых, словно второе солнце, сверкала с высоты золотым копьем колоссальная статуя богини Афины. Ныне, увы, уже не существующая. Стоя на соседнем с Акрополем холме и передавая Вике фотоаппарат, чтобы та увековечила ее на фоне удалившихся от них древностей, Лариса отчаянно захотела ощутить присутствие рядом с собой Виталия. Они бы замерли, обнявшись и приняв красивую танцевальную позу – аниматор бы наверняка придумал что-нибудь подходящее, – а затем, не разнимая объятий, пошли бы вверх по холму, среди золотого сияния с неба и серебра, которым отливали листья растущих вокруг олив, к видневшимся впереди руинам древнего храма.

– Тебя что, на солнце разморило? – спросила Вика, подходя к ней и шутливо щелкая пальцами перед ее носом. – Не слышишь ничего...

После обеда они, согласно программе, купались в Эгейском море, а вечером были представлены самим себе. Побродив по центру города, подруги остались разочарованы: им не встретилось ровным счетом ничего красивого или интересного, не считая витрин магазинов, конечно. Весь город, казалось, состоял из абсолютно одинаковых, примитивных по архитектуре белых домов, которые лишь немного оживляло наличие разноцветных козырьков от солнца на каждом балконе.

Ближе к одиннадцати часам вечера, решив за неимением лучшего вернуться на лайнер, девушки, направляясь по одному из центральных проспектов, обсуждали, стоит ли им ловить такси прямо сейчас, или Афины все же способны преподнести туристам приятный сюрприз. И вдруг Вика встала как вкопанная перед входом в какое-то помещение. Вход был весь разукрашен неоновыми огнями, изнутри доносилась музыка, и на ступенях толпилась молодежь.

– Ночной клуб, – убежденно сказала Вика. – Та-ак... Когда у нас завтра отплытие?

– Кажется, в шесть утра.

– Замечательно – вернуться успеем! – тоном знатока заявила она. – Пошли!

Внутри Ларисе показалось, что они попросту вернулись в диско-бар на корабле: слишком уж похожей была атмосфера неоновой блески и ритмичного подергивания толпы. Да и музыка как будто ничем не отличалась от той, что она слышала вот уже три дня подряд, – словно владельцы клуба прямо-таки задались целью скопировать лайнер «Олимп». Попад в знакомую атмосферу, Лариса, напрягшаяся поначалу, расслабилась, и ее перестала свербить мысль об экономии – ведь Виталий ей продемонстрировал, как весело иногда можно тратить деньги. Подкрепив свой веселый настрой довольно крепким коктейлем, она в радостном возбуждении скользнула вслед за Викой в толпу танцующих.

В это было трудно поверить, но Ларисино тело удержало в памяти науку аниматора. Все те волны и шаги, что она разучивала вслед за ним, неосознанно всплыли сейчас, и Лариса, впервые в жизни по-настоящему раскрепощенная, начала со знанием дела импровизировать под музыку. Ее, казалось бы, до скуки предсказуемое тело вдруг начинало стильно изгибаться или задорно и быстро переступать, ритмично смещать корпус то вправо, то влево и даже совершать движения руками, которые прежде во время танцев чувствовали себя неуместными довесками.

А в довершение всех чудес Лариса то и дело ловила на себе заинтересованные взгляды других танцующих.

К слову сказать, греки (точнее, их внешность) успели произвести на Ларису двоякое впечатление. Греческие девушки показались ей очень симпатичными, округло-стройными, если только можно так выразиться; их тела были словно налиты жизненными соками. Но чем ближе к среднему возрасту, тем более сухими становились фигуры, но по сравнению с прямо противоположной тенденцией у ее соотечественниц, Лариса находила это очень гармоничным. А вот при взгляде на юношей она с удивлением отмечала две вещи: как часто у тех встречается классический греческий профиль; и как часто у них же встречается животик, несмотря на юный возраст, уже нависающий над джинсами. Да, попади сюда Виталий, он казался бы юркой ящерицей среди симпатичных черепашек...

Лариса осеклась, не успев додумать мысль до конца. Он танцевал метрах в трех от нее, и было просто удивительно, что Лариса еще успела поймать на себе какие-то взгляды – все внимание соседей по дискотеке было адресовано оказавшемуся тут волею судеб аниматору. И той девушке, которая изгибалась в танце напротив него.

Она наверняка была не гречанка, скорее всего – туристка, немка или шведка. Натуральная блондинка с холодными и светлыми, как северные моря, глазами; стать валькирии и гибкая быстрота движений – как у полотнища флага на ветру. Может быть, она гимнастка? Выполняя боковую волну, девушка сгибалась чуть ли не пополам, и восхищение во взгляде Виталия становилось все более катастрофическим. Он делал все, что только можно сделать во время быстрого танца, чтобы показать, что у тебя есть партнерша: совершал волну одновременно с девушкой, но в противоположную сторону, подхватывал заданный ею шаг и усложнял его движениями рук или, наоборот, сам задавал движение и жестами предлагал немке к нему присоединиться. Та, сверкая улыбкой, легко повторяла все, что он предлагал. Это была настолько блестящая и гармоничная пара, что в какой-то момент она завладела вниманием танцпола целиком, и вместо толпы участников танцующие образовали кольцо зрителей вокруг Виталия и его партнерши.

В тот вечер, плавно перешедший в ночь, Ларисе вновь пришлось убедиться в том, что женщины-учителя – самые сильные на свете. Столько часов подряд ритмично двигаться, изображая непринужденность, отвечать на шутки Вики, тоже заметившей аниматора, шутить в ответ самой и все это время знать, что даже если она сейчас и обнаружит перед Виталием свое присутствие, ровным счетом ничего от этого не изменится: он, самое большее, приветливо кивнет в ответ, а потом вновь поведет свою немку угощаться к барной стойке и будет пытаться с ней объясниться наполовину улыбками, наполовину жестами и парой фраз на изломанном до безобразия английском языке.

«А что, если предложить им услуги переводчика?» – такая мысль, подкрепленная горьким смешком, возникла у Ларисы ближе к утру. Четверть часа назад Вика предложила ей закончить развлекательную программу и отправиться на лайнер – она заметно притомилась. Самой же Ларисой владела странная смесь ощущений, испытываемая ею, пожалуй, впервые в жизни: на фоне усталости ее то и дело лихорадило от возбуждения, а отчаяние поминутно сменялось надеждой. Именно так, должно быть, чувствует себя человек, проводящий долгожданный отпуск у моря в пасмурную и ветреную погоду, когда малейший проблеск солнца сквозь темное шествие туч заставляет его с надеждой встрепенуться: «А вдруг? А вдруг?» Сквозь грохот музыки Лариса прокричала Вике, что хочет остаться. Отправляясь ловить такси, подруга улыбнулась ей сочувственно, но с пониманием.

А Виталий и его партнерша казались неугомонными. На них уже перестали обращать такое пристальное внимание, как поначалу – обоих уже, видимо воспринимали не как участников дискотеки, а как потрясающий элемент ее оформления. Впрочем, когда к пяти часам утра все Ларисины чувства вылились в одну горькую безысходность, немка начала подавать

признаки усталости, и надежда, которую принято хоронить в последнюю очередь, прошептала Ларисе о том, что ее еще рано отправлять на вечный покой.

Хотя на что она, собственно, имела право надеяться, если ей оставалось провести в клубе еще максимум полчаса? Имела ли она право надеяться вообще? И где критерий того, на что человек имеет право? Можно ли в принципе хоть чего-нибудь требовать от судьбы или нужно стиснув зубы и скрепя сердце довольствоваться тем скудным ассортиментом, что она тебе предлагает? И имеет ли смысл хоть раз взбунтоваться против того, как мало хорошего выпало на твою долю?

Лариса хорошо помнила последствия такого бунта в изгнавшем ее пансионате, но сейчас ей вновь хотелось... Нет, не бунтовать и не требовать, а просто попробовать... Попробовать остаться в клубе до тех пор, пока время будет это позволять, а потом обнаружить свое присутствие перед Виталием и вернуться на лайнер в такси вместе с ним. И может быть, даже разговаривать по дороге.

Прошло полчаса, в течение которых Лариса просидела на табурете в баре, пытаясь не уснуть, и, потягивая из бокала минеральную воду, следила за Виталием. Странно, но он не подавал ни малейших признаков того, что куда-то торопится. В половине шестого, начав не на шутку нервничать, Лариса вдруг поняла, почему аниматор ведет себя так спокойно: очевидно, реальное время отплытия, о котором известно персоналу лайнера, не совпадает с тем, которое сообщили туристам. Ведь туристам свойственно опаздывать, поэтому время отплытия для них и должно быть обозначено на час раньше фактического. Да, наверняка лайнер отходит в семь. Лариса успокоилась и продолжала наблюдать. Теперь она могла надеяться, что немка выбьется из сил раньше, чем она сама, а стало быть...

Тут произошло непредвиденное. Без четверти шесть Виталий взглянул на часы и изменился в лице. Отчаянно попытавшись что-то объяснить немке жестами и, наконец, попросту махнув рукой на прощание, он пулей вылетел из клуба. Лариса едва успела выскочить на улицу вслед за ним. Виталий тщетно вертел головой то вправо, то влево вдоль пустого проспекта, пытаясь засечь взглядом отсутствующее такси. Лариса подбежала к нему.

– Виталий, здравствуйте! Вы меня помните?

Аниматор обернулся на ее голос с такой надеждой в глазах, что Ларисе даже стало стыдно, что она ничем не может ему помочь.

– Я тоже с лайнера «Олимп», тоже опаздываю, – поспешно добавила она.

– Да, конечно, вы еще в конкурсе победили, – пробормотал Виталий, пытаясь быть вежливым, но от волнения плохо соображая. – Ну же, ну! Ловись рыбка, большая и маленькая! – воскликнул он, заприметив вдалеке машину и выставив вперед руку с поднятым большим пальцем.

Несмотря на всю критичность ситуации, Лариса не могла не рассмеяться – он еще шутит! Машина, однако, промчалась мимо – это было не такси. Лариса и Виталий посмотрели друг на друга с отчаянием, и в эту секунду Ларисе до смерти захотелось обнять его и утешить. И замереть в его объятиях, забыв и про время, и про отходящий от причала лайнер.

В этот момент, словно *deus ex machina*, возле них остановилось такси и пару секунд спустя, сорвавшись с места, помчалось в Пирей. Никакого разговора в машине, на который так рассчитывала давеча Лариса, у них не получилось: оба поминутно глядели на часы и кусали губы. Правда, машина неслась на хорошей скорости по практически пустым улицам, но все же, но все же...

– Шесть, – странным, словно неживым голосом уронил Виталий.

– А у вас не спешат часы? – с ужасом спросила Лариса. Ее собственные показывали без двух минут шесть.

Виталий покачал головой.

Несколько минут спустя их высадили у причала. Оба сломя голову бросились к тому месту, где должна была возвышаться белая громада «Олимпа», и почти сразу безнадежно оставились. Белый силуэт океанского лайнера вдаль, озаряемый ясным утренним солнцем, стал самым кошмарным зрелищем, которое Ларисе когда-либо доводилось видеть.

– Ой, бя!.. – простонал Виталий, опускаясь на парапет набережной и закрывая лицо руками. Лариса чувствовала себя не лучше, однако она никогда не смогла бы так четко и лаконично выразить овладевшие ею эмоции.

Чудовищно долго – не менее получаса – ушло у них на поиск портовой администрации. Все, к кому они лихорадочно обращались с вопросом, были сонными, неприветливыми, не могли двух слов связать по-английски и тыкали пальцами в разные стороны. Наконец, когда администрация была найдена, Ларисе потребовалось еще как минимум десять драгоценных минут, чтобы объяснить, в какую они влипли историю. Потом стали связываться по радиации с капитаном корабля. Но тот просьбу вернуться в порт за опоздавшими после целого часа пути воспринял почти как шутку. Это был один из самых ужасных по степени эмоционального накала разговоров в Ларисиной жизни, усугубленный жгучим чувством вины и полным отсутствием поддержки со стороны ее товарища по несчастью, который галантно предоставил даме вести переговоры. Все веские аргументы, включая стоимость сжигаемого топлива и бешеные тарифы за стоянку в пирейском порту, были на стороне капитана, и прошибить его эмоциями было практически невозможно.

– Единственное, что я могу сделать, – сказал он, несколько смягчаясь, – подобрать вас на обратном пути. Мы остановимся возле острова Кея – он лежит у нас по курсу. Ненадолго, на полчаса, не больше. Это будет через три дня – одиннадцатого числа. Вам придется самостоятельно добираться до острова и ждать там часов с восьми утра.

– Это далеко? – с ужасом спросила Лариса, мгновенно нарисовав в уме картину десятилетних странствий Одиссея.

– Нет, один из ближайших к Афинам островов. Там ждите в порту Корисса – мы пришьем за вами шлюпку с лайнера. Если у вас нет денег, обратитесь в российское консульство, они должны помочь.

– Помогут они, как же! – мрачно усмехнулся Виталий, когда разговор был окончен и Лариса передала его содержание. – У вас есть какие-нибудь деньги? А то у меня – ни копейки.

– Это ничего, у меня с собой около трехсот евро, – успокоила его Лариса.

– Да? – Виталий немного ожил. – Тогда живем! Мы можем поселиться в хостеле.

Это слово казалось Ларисе смутно знакомым, но только смутно.

– Ну, это такая гостиница для студентов с минимальными удобствами. Но вы не волнуйтесь: там гораздо приятнее, чем в каком-нибудь совковом пансионате.

– Я не волнуюсь, – заверила его Лариса, у которой были свои счета с пансионатами, – тем более что выбирать не приходится.

Они вновь поймали такси, водитель которого, к счастью, немного объяснялся по-английски, и Лариса попросила отвезти их в какой-нибудь хороший хостел. По иронии судьбы, точка назначения находилась прямо по соседству с ночным клубом, где они танцевали еще полтора часа назад.

– Вы ведь говорите по-английски? – спросил Виталий, который взялся руководить процессом. – Тогда попросите у них одно место в комнате на четверых для женщин и одно – в комнате на четверых для мужчин.

– На четверых? – переспросила Лариса. Таких «удобств» не было даже в пансионате.

– Ну да, здесь ведь все по-простому: есть комнаты на четверых, на шестерых, на восьмерых; чем больше народу, тем дешевле.

– А на двоих у них нет номеров?

– Есть, конечно. Но тогда нам придется жить вместе.

– А вы что-то имеете против? – с виду непринужденно спросила Лариса, стараясь не выдавать бешеный приступ волнения.

– Нет, что вы! – смешался Виталий. – Я просто подумал, что это вы, наверное, не захотите...

– Ну почему же? Раз уж мы оказались в такой ситуации... По-моему, со знакомым человеком жить приятнее, чем с тремя незнакомыми.

– Ага, – неопределенно отреагировал аниматор.

Лариса проснулась около часу дня, чувствуя себя не то чтобы разбитой, а скорее до ужаса расслабленной и неспособной мыслить ясно. Виталий еще спал. Взволнованная той нежностью, что она испытала при виде своей мечты, размеренно дышащей на соседней кровати, Лариса всматривалась в его лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.